

(В2) Экклесиология

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ русской духовной литературѣ послѣднихъ лѣтъ часто встрѣчается слово «соборность». Также, и въ церковной жизни многіе дѣятели во имя нея отстаиваютъ нѣкоторыя свои предложенія. Это слово примѣняется въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, приобрѣтая въ различныхъ устахъ часто совершенно взаимно-противоположный смыслъ.

Не значитъ ли это, что слово «соборность» выражаетъ какое-то смутное, неясное понятіе? Таково представленіе, создавшееся у католиковъ, поднимающихъ вопросъ о томъ, что уніатамъ въ Символѣ слѣдуетъ «неясное» слово «соборная» замѣнить словомъ «каѳолическая». Эти католики, въ лицѣ іезуита Гагарина, получили одповѣдь еще отъ Хомякова: «Русское слово (соборная) неопредѣленно и темно». «Положимъ, но слово, которому о. Гагаринъ даетъ предпочтеніе (каѳолическая), не имѣетъ никакого смысла. Оно ровно ничего не значитъ ни на французскомъ, ни на нѣмецкомъ, ни на итальянскомъ, ни вообще какомъ-либо языкѣ, кромѣ греческаго. Чтобъ дать возможность понять его, необходимо предпослать ему объясненія, иными словами: перевести его, а коль скоро допускается объясненіе, ничто не мѣшаетъ та/с. 103/кимъ же объясненіемъ придать неопредѣленному выраженію большую опредѣлительность» [2].

Со своей стороны добавимъ, что вообще въ девятомъ членѣ Символа нѣтъ такого выраженія, которое не требовало бы объясненій. Это естественное слѣдствіе столь краткаго исповѣданія многограннаго догмата о Церкви. Слово «соборная» не представляетъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія и, къ тому же, болѣе или менѣе единообразно разъясняется во всѣхъ нашихъ катехизисахъ и учебныхъ руководствахъ, начиная съ Петра Могилы и кончая Митрополитомъ Антоніемъ. Конечно, полнота и глубина этихъ объясненій неодинаковы, но въ главныхъ чертахъ они сходны. Поэтому, говоря о неясности слова «соборная», іезуитъ Гагаринъ или свидѣтельствовалъ о своей неосвѣдомленности, или просто выдумалъ недоумѣнія, которыхъ никогда не было у православныхъ. Онъ пытался, такимъ образомъ, съ одной стороны, показать, что будто бы православные славяне исказили Символь, а съ другой — хотѣлъ дать такое объясненіе соборности, которое бы способствовало католической пропагандѣ. По тому же пути, хотя и не такъ грубо, пошелъ и современный авторъ-католикъ г. Деубнеръ [3].

Онъ тоже не заглянулъ въ катехизисы и основываетъ убѣжденіе въ неясности слова «соборная» на сочиненіяхъ нашихъ Парижскихъ философовъ, которые, правда, обладаютъ неоспоримымъ талантомъ затемнять и запутывать вещи самыя ясныя и, казалось бы, безспорныя. Справедливость, впрочемъ, требуетъ признанія, что, переводя «соборную» какъ «conciliarem», г. Деубнеръ передаетъ мысль дѣйствительно не чуждую нѣкоторымъ русскимъ людямъ и даже профессорамъ, особенно тѣмъ, которые пытались въ Русской Церкви осуществить демократическія реформы. Но онъ совершенно не правъ, когда говоритъ, что такое мнѣніе свойственно современной православной богословской наукѣ, и приводитъ довольно курьезный списокъ, якобы, представителей ея. Почему названныхъ имъ лицъ — о. С. Булгакова, Митрополита Евлогія, Н. Бердяева, В. Зинковскаго и С. Безобразова можно считать авторитетными богословами? — О. Сергій Булгаковъ ознаменовалъ свои богословскіе труды очень легковѣсными и совсѣмъ /с. 104/ не православными ученіями о Софіи, Богоматери, Іоаннѣ Предтечѣ и т. д.; Митрополитъ Евлогій не написалъ ни одного богословскаго труда; Н. Бердяевъ и В. Зинковскій вовсе не богословы, а философія перваго изъ нихъ даже и не христіанская: наконецъ, С. Безобразовъ никакихъ интересныхъ научныхъ трудовъ еще не опубликовалъ. Даже за границей есть гораздо болѣе видные представители русскаго богословія, не говоря уже о томъ, что, еще совсѣмъ недавно, въ Россіи работали и писали дѣйствительно видные ученые. А сейчасъ нерѣдко возвышаетъ свой голосъ крупнѣйшій православный богословъ послѣднихъ десятилетій — Митрополитъ Антоній. Католическіе писатели, однако, предпочитаютъ полемизировать со слабыми силами. Но они забываютъ, что, споря, напр., съ о. С. Булгаковымъ, они направляютъ выстрѣлы не туда, куда слѣдуетъ. Какой ущербъ Православію, если они докажутъ, что его ученіе ошибочно? Не говорю уже о томъ, что приписывать его ошибки нашей Церкви даже недобросовѣстно послѣ того, какъ взгляды его осуждены Заграничнымъ Архіерейскимъ Синодомъ [4].

Если г. Деубнеръ преувеличиваетъ значеніе богословскихъ мнѣній, искажающихъ смыслъ соборности, то все же таковыя, какъ я сказалъ, дѣйствительно существуютъ, хотя и не у корифеевъ нашей науки, а у писателей гораздо болѣе мелкаго масштаба. Правъ онъ и въ томъ, что родоначальникомъ своимъ въ этомъ вопросѣ они считаютъ А. С. Хомякова, но, по нашему глубокому убѣжденію, которое постараемся вкратцѣ доказать, для этого нѣтъ серьезныхъ основаній. Хомяковъ защищалъ правильное пониманіе «соборности» отъ католическаго искаженія и, очевидно, не предполагалъ, что его мнѣніе можетъ быть использовано «церковными демократами», которыхъ при немъ еще не было. Онъ поэтому не обезопасилъ вполнѣ свои формулировки съ этой стороны. Тѣмъ не менѣе для ложнаго истолкованія ихъ нужно или непониманіе всего міровоззрѣнія Хомякова или... недобросовѣстность. На этомъ мы подробнѣе остановимся ниже, а пока да разберемъ содержаніе девятаго члена Символа Вѣры, въ частности значеніе слова «соборную». Мы при этомъ не будемъ слѣдовать порядку, въ какомъ стоятъ признаки истинной Церкви въ Символѣ, но начнемъ съ конца — именно со слова «Церковь», а кончимъ уже разборомъ слова «соборная».

/с. 105/ Съ самыхъ первыхъ лѣтъ существованія христіанской общины она усвоила себѣ данное ей Самимъ Спасителемъ наименованіе Церкви, по гречески «Экклісія» (Мѣ. XVI, 18). Это наименованіе содержитъ въ себѣ глубокой смыслъ. Христось, правда, не назвалъ Церковь какимъ-нибудь новымъ словомъ, Онъ назвалъ Ее обществомъ, собраніемъ, но для того, чтобы показать, что Она отлична отъ всякаго другого общества, Онъ сказалъ «созижду Церковь Мою».

Говоря въ другихъ случаяхъ о Церкви, Господь показалъ, что Она есть не что чуждое остальному міру (Ин. XIV, 17; XV, 19; XVI, 20; XVII, 14 и т. д.), что въ основѣ Ея лежитъ взаимная любовь Ея чадъ (Ин. XIII, 34-35), и что въ Ней царитъ единство съ Богомъ (Ин. XIV, 20), а черезъ Него между членами Ея (Ин. XVII, 11, 20, 21), подобно тому, какъ связаны въ тѣи съ единой лозой (Ин. XV, 5). Наконецъ, Онъ показалъ, что входятъ въ это чудесное общество люди избранные свыше: «Не вы Меня избрали, а Я васъ избралъ» (Ин. XV, 16).

Всѣ эти свойства Церкви неотдѣлимы отъ Нея и наличие ихъ выражается самымъ Ея наименованіемъ.

«Экклісія» значитъ общество, собраніе, но не всякое общество, не всякое собраніе можно назвать этимъ именемъ, а лишь собраніе людей, члѣнъ-либо объединенныхъ. Въ классическомъ словоупотребленіи «экклісія» обозначала собраніе гражданъ: «Экклісія — Экклити, которыхъ собралъ особый кириксь. Экклісія — собраніе, составившееся по закону. Поэтому, Экклісія заключаетъ въ себѣ два признака: упорядоченное единство и призваніе (клисис, экалин). Весьма замѣчательно, что на латинскій языкъ слово Экклісія не переводилось, а только транскрибировалось — Ecclesia, хотя въ латинскомъ языкѣ есть не сколько словъ для обозначенія общества. Очевидно, ни одно изъ нихъ не было признано вполне и точно передающимъ смыслъ греческаго Экклісія, которое выражаетъ ту мысль, что Богъ выдѣлилъ Свою часть людей и призвалъ ихъ въ особое общество [5]. Отличительная черта общества, называемаго Экклісія, какъ мы видѣли, есть не только призваніе его членовъ, но и упорядоченное единство. Если таково его значеніе въ классическомъ употребленіи, то въ Христіанствѣ оно полу/с. 106/чило болѣе глубокой смыслъ, хорошо выражая тѣ свойства Церкви, которыя раскрываются въ приведенныхъ выше словахъ Спасителя, дополненныхъ въ послѣдствіи посланіями Его учениковъ. Внутреннее единство, какъ необходимое свойство общества названнаго Экклісія — Церковь [6], особенно ясно видно изъ того, что оно называется, также, и Тѣломъ Христовымъ. Поэтому, говоря о Церкви въ девятомъ членѣ Символа, отцамъ Вселенскихъ Соборовъ не нужно было отдѣльно указывать на внутреннее единство, какъ на одно изъ свойствъ Ея. Имъ оставалось высказать лишь то, что само по себѣ во всей полнотѣ не входитъ въ объемъ понятій, выраженныхъ словомъ Экклісія. Въ частности, оно не открываетъ намъ, кто именно призванъ къ единенію въ

Церкви?

* * *

Первое свойство Церкви, упоминаемое въ девятомъ членѣ Символа, есть Ея единственность. Вѣрую во Едину, т. е. одну (ис міан) Церковь.

Прямой смыслъ этого исповѣданія тотъ, что Святая, Соборная и Апостольская Церковь — одна, что никакая другая община на свѣтѣ не можетъ претендовать на свойства, Ея характеризующія. При углубленіи въ содержаніе этого ученія, неминуемо возникаетъ вопросъ объ отношеніи къ единству Церкви факта существованія многихъ Помѣстныхъ Церквей [7]. Если Церковь одна, то, очевидно, всѣ онѣ составляютъ лишь части нераздѣльнаго Тѣла Христова. Но вопросы о томъ, какъ много можетъ быть этихъ Церквей? Гдѣ онѣ? — остаются безъ отвѣта. Ученіе о единствѣ Церкви, т. о., соприкасается съ ученіемъ о Ея вселенскости, но не содержитъ его въ себѣ со всею ясностью. Таково свойство всѣхъ признаковъ Церкви, приведенныхъ въ Символѣ — они всѣ другъ съ /с. 107/ другомъ тѣсно связаны и, если распространенно говорить объ одномъ, то поневолѣ будешь касаться и другихъ.

* * *

Церковь называется Святой (Агіан). Тутъ имѣется въ виду облагодатствованіе Ея дарами Духа Святаго. Она «освящена Иисусомъ Христомъ черезъ Его страданія, Его ученіе, черезъ Его молитву и черезъ Таинства» [8]. Въ наименованіи Церкви Святою содержитсяъ ученіе о томъ, что въ Ней сообщаются вѣрнымъ благодатныя Таинства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что Церковь, освящаемая Своею Божественною Главою и дарами Духа Святаго, непогрѣшима, хотя и состоитъ изъ людей грѣшныхъ и подвергающихся ошибкамъ. Но это ученіе само по себѣ оставляетъ еще открытымъ вопросъ о томъ, непогрѣшима ли, также, и всякая помѣстная христіанская община, или этимъ свойствомъ обладаетъ только вся Церковь во всей своей полнотѣ? На этотъ вопросъ мы получимъ отвѣтъ лишь въ ученіи о Соборности.

* * *

Слѣдующаго порядку 9-го члена Символа, намъ слѣдовало бы сейчасъ перейти къ слову «Соборная», но, такъ какъ разборъ его составляетъ главную цѣль нашей статьи, намъ удобнѣе оставить его на конецъ, а сейчасъ сказать нѣсколько словъ объ Апостольствѣ.

Называя Церковь Апостольской (Апостоликин) Св. Отцы указали на вѣрнѣйшій внѣшній признакъ Ея истинности. Этотъ признакъ состоитъ въ сохраненіи Апостольскаго Преданія и преемства Апостольской Благодати. Наличие послѣдняго можно устанавливать путемъ историческаго изслѣдованія, какъ часто дѣлали это, напр., во времена Св. Иринѣя Лионскаго, но труднѣе рѣшить, какое преданіе дѣйствительно Апостольское? Какое ученіе согласно съ этимъ преданіемъ? Ученіе объ Апостольствѣ Церкви само по себѣ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Мы найдемъ и его только въ ученіи о соборности Церкви.

* * *

Мы видѣли, что, разбирая каждый признакъ Церкви, приведенный въ Символѣ, углубляя мысль въ немъ содержащуюся, нельзя одновременно не касаться и другихъ Ея свойствъ. Говоря объ единствѣ, нельзя, не упомянуть о соборности; ученіе о святости, при извѣстномъ развитіи, содержитъ и ученіе объ іерархичности, а слѣдовательно объ апостольствѣ и т. д. Ни одинъ признакъ не обособленъ: всѣ переплетаются другъ съ другомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый изъ нихъ нуженъ, ибо каждый выпукло обрисовываетъ ту сторону ученія о Церкви, которая только привходитъ въ другой. Вселенскій Соборъ могъ просто сказать «вѣрую въ Церковь», и, по самому содержанію понятія «Церковь», онъ высказалъ бы менѣе подробно то же ученіе, какое находимъ въ девятомъ членѣ Символа. Такъ отцы Перваго Вселенскаго Собора въ своемъ опредѣленіи упоминаютъ только о двухъ признакахъ истинной Церкви: они пишутъ, что вѣрующихъ иначе, чѣмъ опредѣлилъ Соборъ, анаѣматствуетъ «Апостольская и Каѣолическая Церковь». Въ эти слова входитъ и понятіе единства и святости. Но, конечно, не напрасно Второй Вселенскій Соборъ расширилъ эту формулу и опредѣлилъ Церковь болѣе подробно.

Митрополитъ Антоній убѣдительно показываетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что всѣ догматы намъ открыты не для удовлетворенія любопытства, а для наученія, всѣ они имѣютъ нравственное содержаніе (См. замѣчательный трактатъ «Нравственное содержаніе догмата о Святой Троицѣ» въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1892 г.). [9]. Не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія и догматъ о Церкви. Вотъ почему болѣе

распространенное учение о Церкви в Символ, постоянно повторяемое христианами, есть важное напоминание об их обязанностях в отношении Церкви, друг друга и внешнего мира. — Единственность Церкви предохраняет от религиозного индифферентизма и поощряет к миссионерству; святость — научает стремиться к совершенству и приятию благодати Божией в единении церковном; апостольство учит вярности преданиям и соблюдению иерархичности; самое наименование Церкви призывает к братству во Христе и взаимному единению православных христиан. Также, и слово Соборная или Каколическая богато поучительным содержанием. Поэтому, правильное понимание его очень важно, а ошибочное может сильно отразиться на церковной жизни. Так, например, встречающееся у малообразованных/с. 109/ных людей представление, будто в нем содержится мысль о праве мирян участвовать в церковном управлении (Соборах), конечно, совершило бы переворот в церковном строении, если бы оно не было очевидно нелепым.

Прежде чем говорить более обширно об учении о соборности, разберем то слово, которым оно выражено в греческом и славянском текстах Символа.

В первом стоит слово «каколичин». Это слово имеет значение всемирности, вселенскости, а также и более широкий смысл от катá и óлон — по всему или по единству вселенной [10]. В Православной Богословской Энциклопедии (СПБ., 1908, Т. 9, стр. 219) находим перевод близкий к Хомяковскому. «Каколикос в приложении к Эккlesia означает вселенскость не только в отношении к пространству и времени, т. е. к внешней стороне Церкви, но, что еще важнее, к внутренней стороне — к единству и неизменной цели христианского учения вры, начиная с Господа Христа и Апостолов и доходя до последних законных их преемников (благос именно указывает на цельность, неповрежденность, совершенство вещи, тогда как áпас, напротив, на отдельность вещей в себе, их особенность)». Мы не можем вполне согласиться с последней частью этого объяснения, но в основном оно правильно. Ошибка его заключается в том, что оно упускает из виду тот факт, что в Символе прилагательное каколикос определяет самую Церковь во вселенной Ея проявлениях, а не только Ея учение, хотя, в частности, может быть применено и к последнему. Т. о. каколикос в Символе, кроме безграничного распространения Церкви, выражает мысль о неизменной Ея цели, т. е. полноте проявления благодати, святости, а в том числе и неизменной цели Ея учения.

Перейдем теперь к славянскому слову «соборная». Вопреки мнению католиков, мы полагаем, что оно не только не искажает мысли, содержащихся в каколикос, но даже может помочь правильному его пониманию.

Слово соборный очень древняго происхожденія, хотя бы Хомяковъ и ошибался и авторство его не принадлежало Святымъ Первоучителямъ Славянъ. Очень вѣроятно, что первоначально слово каѡ́бликос и не переводилось съ греческаго, а только транскрибировалось. Затѣмъ уже одно стало /с. 110/ употребляться наряду съ другимъ, какъ оно и есть сейчасъ. Замѣтимъ, однако, что въ литургіи, переводъ которой, казалось бы, долженъ быть однимъ изъ древнѣйшихъ, Церковь называется «Соборною». Но къ какому бы времени ни относилось происхожденіе его, и что бы ни говорили католики, — оно прекрасно передаетъ смыслъ слова каѡ́бликос.

Мы, конечно, не будемъ спорить съ католиками относительно того, что прилагательное соборный происходитъ отъ существительнаго соборъ. Но, вѣдь, на славянскомъ языкѣ это слово не означаетъ только совѣщательное собраніе вопреки соотвѣствующимъ словамъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ (σѡνoд, concilium). Соборомъ называется и молитвенное собраніе (напр., Соборъ Архистратига Михаила и т. п.), и совокупность ангеловъ (Ангельскій Соборъ). Соборъ, какъ очень хорошо объясняетъ Хомяковъ, «выражаетъ идею собранія, не только въ смыслѣ проявленнаго видимаго соединенія многихъ въ какомъ-либо мѣстѣ, но и въ болѣе общемъ смыслѣ всегдашней возможности такого соединенія» [11]. Наконецъ, прилагательное соборный можетъ имѣть не только притягательное значеніе (напр., соборные акты), но и выражать противоположеніе общаго частному. Такое значеніе съ дѣтства извѣстно каждому изъ насъ по наименованію соборными тѣхъ семи посланій Апостоловъ, которыя обращены не къ опредѣленнымъ Помѣстнымъ Церквамъ или людямъ, а или ко всему христіанскому міру, или ко многимъ общинамъ христіанъ. Слово соборный, въ данномъ случаѣ, получаетъ значеніе всеобщаго, общецерковнаго. Подобное же значеніе его, т. е. противоположеніе цѣлаго частному, встрѣчаемъ въ такомъ древнемъ памятникѣ (XIII в.), какъ Славянская Кормчая. Тамъ читаемъ въ толкованіи 1-го правила Карѡагенскаго Собора: «Того ради убо не соборно есть правило се и во инѣхъ странъ Церквахъ не держится, но яко помѣстное въ Карѡагенѣ и во Африкѣи пріято есть».

Итакъ, славянскій переводъ вполнѣ, вплоть до выраженія вселенскости, передаетъ смыслъ греческаго слова каѡ́бликос. Разберемъ же теперь то ученіе, которое оно въ себѣ заключаетъ.

Мы уже встрѣчались съ вопросами, которые прямо не разрѣшаются ученіемъ объ остальныхъ признакахъ Церкви. Какая же существенная сторона ученія о Церкви въ нихъ не исповѣдана? Мы видѣли, что и единственность и внутреннее /с. 111/ единство Церкви, и святость, и апостольство получили свое выраженіе — другими словами все, кромѣ указанія на то, кто же призванъ быть членомъ чудеснаго Тѣла Христова и гдѣ границы его? Можетъ быть, Церковь состоитъ изъ одной какой-нибудь расы? Можетъ быть, въ ней соединяются только живые или только мертвые, только богатые или

только бѣдныя? Можетъ быть, она ограничена временемъ или пространствомъ? Можетъ быть, непогрѣшимостью и вообще полнотою даровъ благодати обладаетъ не только вся Церковь, но и каждая помѣстная община или какая-нибудь одна изъ нихъ?

На всѣ эти вопросы отвѣчаетъ догматъ о Соборности Церкви. Церковь называется Соборною или, что то же, Каѳолическою, «потому что она не ограничивается никакимъ мѣстомъ, ни временемъ, ни народомъ, но заключаетъ въ себѣ вѣрующихъ всѣхъ мѣстъ, время и народы». Апостоль Павелъ говоритъ, что въ Церкви Христіанской нѣсть еллинъ, ни іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и скиѣтъ, рабъ и свободъ: но всяческая и во всѣхъ Христоръ» (Кол. III, 11) [12]. Слово «Соборную» еще учитъ насъ, что всѣ свойства, перечисленныя въ остальной части девятаго члена Символа, находятся въ обладаніи только всей Церкви, а не какой-бы то ни было части Ея.

Необходимость слова, которымъ бы выражалось такое ученіе о Церкви, объясняется исторіей догмата о Ней. Вѣдь съ первыхъ же лѣтъ существованія Христіанства явились возраженія противъ его соборности. Ихъ разсѣялъ Апостоль языковъ, разъяснивъ, что Спаситель приходилъ не для однихъ іудеевъ, а для всего человѣчества, и что въ Церковь входятъ всѣ обновленные во святомъ крещеніи люди, независимо отъ національности или положенія. Всѣ могутъ быть христіанами и соединиться въ Тѣло Христовомъ съ Самимъ Сыномъ Божиимъ и съ выведенными Имъ изъ ада ветхозавѣтными праведниками, со Святыми Апостолами, мучениками и подвижниками, — однимъ словомъ, со всѣми сынами Церкви, нынѣ живущими и отвѣка усопшими.

Ученіе о соборности получило дальнѣйшее раскрытіе, когда различныя ереси стали происходить оттого, что чисто мѣстнымъ ошибочнымъ преданіямъ или личнымъ заблужденіямъ придавали значеніе общецерковнаго догмата. Созывъ Перваго Вселенскаго Собора, до тѣхъ поръ замѣнявшагося /с. 112/ живымъ общеніемъ между предстоятелями Церквей, было торжественнымъ провозглашеніемъ принципа соборности, ибо онъ имѣлъ цѣлю объявить то ученіе, которое было свойственно древнѣйшей Церкви и съ апостольскаго времени сохранялось въ совокупномъ преданіи всѣхъ помѣстныхъ общинъ христіанъ. Произнося анаѳему лжеучителямъ, Соборъ сдѣлалъ это отъ имени «Каѳолической и Апостольской Церкви» [13], обличая такимъ образомъ не соборное, частное и самочинное происхожденіе ереси. Наоборотъ, всякое истинное ученіе, согласное съ преданіемъ всей Церкви, можно назвать каѳолическимъ или соборнымъ.

Отсюда, нравственное содержаніе догмата о соборности заключается въ томъ, что мы должны равно считать своими братьями всѣхъ православныхъ людей, какой бы расы

или какого бы общественнаго положенія они ни были, а въ церковной жизни остерегаться провинціализма и шовинизма, памятуя, что наша родная Церковь есть только часть Церкви Вселенской.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мы, въ началѣ настоящей статьи, высказали намѣреніе показать, что А. С. Хомяковъ такъ же мыслилъ о соборности, какъ и мы, и что, слѣдовательно, считать его родоначальникомъ современныхъ туманныхъ мудрованій съ демократическими оттѣнками — несправедливо.

Въ трактатѣ «Церковь одна» [14] Хомяковъ такъ опредѣляетъ соборность: «Церковь... называется... соборною..., потому что она принадлежитъ всему міру, а не какой-нибудь мѣстности; потому что ею святятся все человѣчество и вся земля, а не какой-нибудь народъ или страна; потому что сущность ея состоитъ въ согласіи и въ единствѣ духа и жизни всѣхъ ея членовъ, по всей землѣ признающихъ ее».

/с. 113/ Хомяковъ этими словами высказалъ то самое ученіе, которое нами было изложено выше. Онъ показалъ, что всѣми свойствами истинной Церкви обладаетъ она только во всей своей цѣлости. Онъ далѣе развиваетъ эту мысль, выводя изъ ученія о соборности и то правило, которымъ Помѣстныя Церкви должны неизмѣнно руководствоваться въ своей жизни:

«Изъ сего (т. е. вышеприведенной цитаты) слѣдуетъ, что когда называется какое-нибудь общество Церковью мѣстной, какъ то Греческою, Россійскою или Сирійскою, такое названіе значитъ только собраніе членовъ Церкви, живущихъ въ такой то странѣ (Греціи, Россіи, Сиріи и т. д.) и не содержитъ въ себѣ предположенія, будто бы одна община христіанъ могла выразить ученіе церковное или дать ученію церковному догматическое толкованіе безъ согласія другихъ общинъ; еще менѣе предполагается, чтобы какая-нибудь община, или пастырь ея, могли предписывать свое толкованіе другимъ. Благодать вѣры не отдѣльна отъ святости жизни и ни одна община христіанъ и ни одинъ пастырь не могутъ быть признанными за хранителей всей вѣры, какъ ни одинъ пастырь, ни одна община не могутъ считаться представителями всей святости церковной» [15].

Не слѣдуетъ ли изъ словъ, что «ни одна община церковная не можетъ выразить ученіе церковное или дать ученію церковному толкованіе безъ согласія другихъ общинъ», что для Хомякова самоцѣлю служитъ соглашеніе всѣхъ Помѣстныхъ Церквей въ какую бы сторону ни истолковывался догматъ? — Конечно, нѣтъ. Рѣчь идетъ не о сочиненіи новыхъ ученій, а о догматическихъ опредѣленіяхъ, вполне согласныхъ съ писаніемъ и преданіемъ Церкви, при чемъ «не лица и не множество лицъ въ Церкви хранятъ преданіе и пишутъ, но Духъ Божій, живущій въ совокупности церковной» [16]. А вотъ какъ мыслить Хомяковъ эту «совокупность церковную»: «Живущій на землѣ, совершившій земной путь, несозданный для земного пути (какъ ангелы), не начинавшій еще земного пути (будущія поколѣнія), всѣ соединены въ одной Церкви — въ одной благодати Божіей» [17]. Для Хомякова Церковь не общество, въ которомъ всѣ вопросы рѣшаются по большинству голосовъ, для него «Церковь не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣленности, но единство Божіей благодати, /с. 114/ живущей во множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати» [18].

На основаніи такого ученія о Церкви, разномысля живущихъ на землѣ членовъ Ея должны, при полной взаимной любви, рѣшаться въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ преданія, выражающаго голосъ всей Церкви въ Ея совокупности.

Но тутъ является вопросъ: какъ практически это осуществляется въ церковной жизни?

Католики, избравъ простѣйшій съ земной точки зрѣнія путь, вручили весь авторитетъ въ догматическихъ вопросахъ Римскому Папѣ. Подразумѣвается, что онъ есть хранитель вѣры и, по особой благодати, всѣ его опредѣленія согласны съ древнимъ преданіемъ, хотя свидѣтельство исторіи показываетъ, что Папы не всегда бывали чужды ересьямъ, даже и до отпаденія Рима отъ Православія.

Наоборотъ Хомяковъ, въ согласіи съ ученіемъ Восточныхъ Патріарховъ, настаивалъ на томъ, что у насъ хранитель вѣры «весь церковный народъ». Епископы учатъ, объявляютъ ученіе, а весь народъ принимаетъ или отвергаетъ его. По внѣшности получается какъ будто что-то демократическое, хотя отъ народа и ожидается только одобреніе, или отрицаніе готоваго рѣшенія (нѣкоторые писатели называютъ это «рецепціей»). Для того, чтобы правильно понять смыслъ такого ученія, надо различать церковное управленіе и исповѣданіе церковной вѣры.

Хомяковъ былъ далекъ отъ приписыванія народу верховныхъ правъ въ управленіи

церковными дѣлами (что было бы демократіей). «Епископъ и священникъ, пишетъ онъ, не служители частной общины (т. е. ни въ какой мѣрѣ не подчинены паствѣ. Ю. Г.), а служители Христа во вселенской общинѣ; черезъ нихъ примыкаетъ Церковь земная, въ нисхожденіи вѣковъ, къ своему Божественному Основателю и черезъ нихъ чувствуетъ она себя постоянно восходящей къ Тому, Чья рука поставила Апостоловъ. Вспомнимъ при этомъ, что на языкѣ христіанскомъ восходить значитъ быть возводимымъ кверху» [19]. И въ другомъ мѣстѣ: «Народъ не имѣетъ никакой власти въ вопросахъ совѣсти, общецерковнаго благочинія, догматическаго ученія, церковнаго управленія» [20]. Хомяковъ указываетъ тамъ же, что даже такія рѣшенія, какъ учрежденіе или упраздненіе Патріаршества, не зависятъ отъ /с. 115/ воли народа, а рѣшаются одной іерархіей. Но онъ выдѣляетъ догматическіе вопросы [21]. И въ нихъ рѣшеніе выносятся Епископами, но отъ паствы уже не требуется такого же полнаго подчиненія, какъ въ вопросахъ управленія. Тутъ уже дѣйствительно существуетъ «рецепція», въ которой, однако, народъ отнюдь не суверененъ [22], ибо въ рѣшеніи своемъ связанъ ученіемъ церковнаго преданія. Замѣтимъ со своей стороны, что при этомъ выраженіе согласія или несогласія народа никакими правилами не регламентировано. Оно само собою сказывается въ жизни Церкви, составляясь изъ рѣшеній, продиктованныхъ каждому христіанину голосомъ его собственной совѣсти [23].

Въ своемъ ученіи о «рецепціи» Хомяковъ исходитъ изъ того, что слѣпое подчиненіе авторитету значитъ отказъ отъ долга самому разбираться въ вопросахъ вѣры. А отъ этого долга не свободенъ никто. Но разъ есть такой долгъ, то должны быть и связанныя съ нимъ права. По міровоззрѣнію Хомякова, права суть не болѣе какъ средство къ исполненію долга. — На всякомъ лежитъ долгъ учительства, если не словомъ, то благочестивой жизнью [24], поэтому каждый имѣетъ право, а вмѣстѣ и обязанность, вникать въ ученіе Церкви. Но правильное пониманіе догматическихъ вопросовъ возможно только въ дѣйствительномъ единеніи съ Нею. Поэтому, благочестивые міряне тоже суть хранители вѣры, ибо благочестіе не зависитъ отъ чина.

Въ демократіи рѣчь идетъ только о правахъ, Хомяковъ /с. 116/ же въ основу всего кладетъ обязанности, отвѣтственность за себя и за ближнихъ, которые могутъ быть соблазняемы, вводимы въ заблужденіе, каждымъ изъ насъ.

Демократія своевольна и ничѣмъ высшимъ не связана. Наоборотъ, рѣшенія церковнаго народа обуславливаются вѣрностью истинѣ. Тотъ, кто уклоняется отъ нея, тѣмъ самымъ отдѣляется и отъ церковнаго народа. Поэтому, ложное ученіе, хотя бы оно исповѣдывалось громаднымъ большинствомъ, никогда не станетъ ученіемъ Церкви, а когда Хомяковъ говоритъ о «всемъ церковномъ народѣ» какъ хранителѣ (а не истолкователѣ) истины, то надо подразумѣвать подъ этимъ выраженіемъ не всѣхъ числящихся въ Церкви людей, а лишь тѣхъ, кто дѣйствительно пребываетъ въ согласіи

съ Нею.

Если иначе понимать Хомякова, то надо допустить, что онъ вѣрилъ въ то, что большинство будто бы является выразителемъ истины. Но онъ отлично сознавалъ, что большинство легко можетъ быть именно на сторонѣ ереси, и писалъ, что даже въ такомъ случаѣ Церковь останется какою олицеской: «Найдутся же въ неизмѣримомъ восточномъ мѣрѣ по крайней мѣрѣ два или три Епископа, которые не измѣнятъ Богу; они благословятъ нисшіе чины, составятъ изъ себя все Епископство, и Церковь ничего не потеряетъ ни въ силѣ, ни въ единствѣ; она останется какою олицескою, какою была во времена Апостоловъ» [25].

Такимъ образомъ, Хомяковъ не вводилъ въ Церковь демократическихъ началъ, а лишь показывалъ, что въ жизни ея всякій, будь онъ Епископомъ или мѣряниномъ, можетъ и долженъ принимать участіе, благодаря чему каждый самъ несетъ и отвѣтственность за свое заблужденіе [26]. Ученіе Хомякова собственно о соборности тождественно съ тѣмъ, которое мы изложили въ первой главѣ, но и въ сужденіяхъ о другихъ вопросахъ онъ не даетъ основаній для того, чтобы считать его родоначальникомъ современныхъ демократическихъ заблужденій. Живо чувствуя внутреннее единство и соборность [27] Церкви, Хомяковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ глубоко преданъ Ея Богоустановленному іерархическому строю.

* * *

/с. 117/ Показавъ, что Хомяковъ былъ далекъ отъ проповѣди какой бы то ни было демократической идеи въ Церкви, скажемъ нѣсколько словъ по поводу современныхъ злоупотребленій принципомъ соборности.

Часто приходится встрѣчаться съ тѣмъ, что соборность выдвигаютъ въ качествѣ какой-то цѣли, къ которой надо стремиться не въ области взаимоотношеній Помѣстныхъ Церквей, а во внутренней жизни епархій, приходоу и т. д. Практически это завершается требованіями предоставить мѣрянамъ возможно больше правъ въ церковномъ управленіи. Разсужденія такихъ сторонниковъ «соборности» обычно исходятъ изъ того положенія, что «истина соборна», т. е. познается не индивидуально, а соборно, въ ихъ пониманіи коллективно. А такъ какъ Церковь состоитъ не изъ одной іерархіи, но и изъ мѣрянъ, то дѣлается выводъ, что послѣдніе непременно должны привлекаться къ рѣшенію всѣхъ церковныхъ вопросовъ. Поэтому, и мы начнемъ съ

изслѣдованія пути, которымъ слѣдуютъ православные христіане при познаваніи подлинной истины.

Когда ветхозавѣтнымъ людямъ открывалась истина о Богѣ, то она возмѣщалась имъ какъ нѣчто для нихъ вѣднѣе. Первородный грѣхъ отдѣлялъ ихъ отъ Источника всякой истины, у нихъ не было свободнаго единенія съ Нимъ. Никто изъ нихъ не могъ, подобно Апостолу, сказать: «Не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ» (Гал. II, 20). А если живетъ во мнѣ, то и мысли мои и знанія суть мысли и знанія Христовы, Божественныя, хотя и не во всей полнотѣ (1 Кор. XIII, 9), ибо даже у Св. Апостола этому препятствовало человѣческое несовершенство. Но Св. Апостолъ настолько соединился съ Богомъ, что, безъ всякаго насилія надъ своимъ разумомъ, высказывалъ мысли, во всемъ согласныя съ Божественною истиною. У него былъ «умъ Христовъ» (1 Кор. II, 16).

/с. 118/ Наоборотъ, ветхозавѣтные пророки, хотя и избирались Богомъ изъ людей праведныхъ, т. е. соблюдавшихъ тѣ законы добродѣтели, которые во всякомъ человѣкѣ говорятъ голосомъ природной совѣсти (Рим. II, 15), были только передатчиками того, что поручалъ имъ повѣдать людямъ Господь. Отсюда обычная форма начала пророчествъ: «Такъ глаголетъ Господь» [28]. Жизнь пророковъ проходила вѣдѣйствительнаго, ставшаго возможнымъ только въ Церкви, единенія съ Богомъ и вѣрными Ему людьми. Пророкъ Ілія чувствовалъ себя совершенно одинокимъ, онъ даже не зналъ, что есть еще много Израильтянъ, не преклонившихъ главу передъ Вааломъ (3 Кн. Царствъ 19 гл., 10, 14 и 18). Онъ, такимъ образомъ, получалъ откровенія совершенно индивидуально такъ же, какъ и другіе пророки, иногда даже противъ своей воли дѣлавшіеся передатчиками Господней воли (Пр. Іона). Только въ Новомъ Завѣтѣ стало возможно такое свободное возмѣщеніе воли Божіей и такое проникновеніе въ тайны Божественнаго домостроительства, какъ то, которое мы отмѣтили у Апостола Павла. До сошествія Святаго Духа, до созданія Церкви, мало что было понятно даже ученикамъ Христовымъ. Только въ день Пятидесятницы они окончательно соединились съ Богомъ и между собою, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ силы къ познанію и проповѣди истины согласно обѣтованію Христову: «Еще многое имѣю сказать вамъ, но вы теперь не можете вмѣстить, когда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину» (Ін. XVI, 12-13). Такъ и теперь всѣмъ образованнымъ людямъ доступно знакомство со Св. Писаніемъ и, однако, попытки уяснить себѣ его содержаніе вѣдѣнія съ Церковью приводятъ лишь ко все новымъ и новымъ недоумѣніямъ. Эти недоумѣнія были бы еще многочисленнѣе, если бы даже порвавшіе съ Церковью не имѣли въ своемъ распоряженіи святоотеческихъ, т. е. церковныхъ толкованій. Протестанты, отрекшіеся и отъ этого церковнаго достоянія, въ пониманіи Писаній доходятъ до полныхъ абсурдовъ.

Храненіе религіозныхъ истинъ вручено Богомъ Церкви и только черезъ Нее мы

можемъ ихъ познавать. Это относится не только къ разумѣнію т. н. мистическихъ вопросовъ, но, въ большой мѣрѣ и вообще, къ жизненной мудрости. Ибо мудрость христіанская предъ лицомъ матеріалистическаго /с. 119/ міра кажется нелѣпой, а на самомъ дѣлѣ только она и разумна, даже въ бытовыхъ вопросахъ. Вотъ почему у насъ такъ много обращались къ старцамъ и къ о. Іоанну Кронштадтскому съ вопросами чисто житейскаго характера. Они и ихъ разрѣшали «умомъ Христовымъ», и, хотя съ внѣшней стороны иногда какъ будто странно, на самомъ дѣлѣ очень мудро. А гдѣ получили они этотъ «умъ Христовъ»? — Въ Церкви. А какъ пріобрѣтается онъ тамъ? — Дѣйствительнымъ востаніемъ въ Церковь, которое осуществляется главнымъ образомъ при посредствѣ молитвы и любви ко Христу и къ людямъ. Св. Григорій Великій пишетъ, что «любовь тѣмъ болѣе возвышается къ горнему, чѣмъ болѣе, расширяется она въ состраданіи къ дольнему, и мы тѣмъ способнѣе дѣлаемся возноситься къ Богу, чѣмъ благодѣтельныѣе дѣлаемся для ближнихъ» [29].

Путь къ познанію истины заключается такимъ образомъ, въ любви къ людямъ, въ единеніи съ Церковью, въ молитвѣ и въ очищеніи себя такъ, чтобы духовное зрѣніе стало способно созерцать небеса. Вотъ какъ поучаетъ объ этомъ преп. Исаакъ Сиріяннинъ: «Если желательно тебѣ, чтобы сердце твое содѣлалось обителію тайнъ новаго міра, то обогатись сначала дѣлами тѣлесными, постомъ, бдѣніемъ, службою, подвижничествомъ, терпѣніемъ, низложеніемъ помысловъ и прочимъ. Связывай умъ чтеніемъ писаній и углубленіемъ въ оныя, и напиши предъ очами у себя заповѣди. Непрестаннымъ собесѣдованіемъ молитвеннымъ искореняй въ сердцѣ своемъ всякій образъ (вещей) и всякое подобіе прежде тобою воспринятое. Пріучай умъ свой всегда углубляться въ тайны Спасителя домостроительства, продолжая дѣланіе заповѣдей и труды въ пріобрѣтеніи чистоты» (Твор., стр. 379).

Самая трудность такого аскетическаго пути приводитъ къ выводу, что познание Божественныхъ истинъ происходитъ индивидуально, хотя и въ духовномъ единеніи со всей Церковью, въ томъ числѣ и съ тѣми сынами Ея, которые обладаютъ самыми малыми познаніями. Но созерцали Святые Отцы тѣ области, которыя выше всего земного и, слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ отдѣлялись отъ христіанъ менѣе ихъ совершенныхъ. Поэтому, Божественныя тайны открываются отдѣльнымъ людямъ и уже черезъ нихъ другимъ членамъ Церкви.

Итакъ, мы видимъ, что положеніе будто истина познается «соборно» неправильно. Она хранится въ Соборной Церкви, /с. 120/ открывается въ единеніи съ Нею, но познается индивидуально, въ мѣру личнаго совершенства.

Естественный отсюда выводъ, что руководство Церковной жизнью и учительство должны поручаться достойнѣйшимъ [30], а не могутъ вручаться Соборамъ, въ которыхъ пасомые были бы на равнѣ съ пастырями. Такое положеніе было бы тѣмъ болѣе нелѣпо, что одной изъ главныхъ задачъ Соборовъ является контроль и судъ надъ Епископами. Участіе въ этомъ клира и мірянъ нарушало бы іерархичность Церкви. Этимъ упразднялось бы значеніе пастырства и удѣломъ іерархіи оставалось бы только совершеніе Богослуженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ міряне постоянно вводились бы въ искушеніе осуждать тѣхъ и бороться съ тѣми, кто отъ Бога поставленъ имъ духовными отцами. Каждый спасается соотвѣтственно своему положенію — священникъ заботяся о душахъ паствы, а мірянинъ преимущественной заботой о своей собственной душѣ въ послушаніи духовному отцу. Поэтому, по 64 правилу VI Вселенскаго Собора: «Не подобаетъ мірянину предъ народомъ произносить слово или учить, и тако брати на себя учительское достоинство, но повиноватися преданному отъ Господа чину, отверзати ухо пріявшимъ благодать учительскаго слова и отъ нихъ поучатися Божественному. Ибо въ единой Церкви разные чины сотворилъ Богъ, по слову Апостола (1 Кор. XII), которое разъясняя, Григорій Богословъ ясно показываетъ находящійся въ нихъ чинъ, глаголя: сей, братія, чинъ почтимъ, сей сохранимъ: сей да будетъ ухомъ, а тотъ языкомъ: сей да учитъ, тотъ да учится. И послѣ немногихъ словъ далѣе глаголетъ: учащійся да будетъ въ повиновеніи, раздающій да раздаетъ съ веселіемъ, служащій да служитъ съ усердіемъ. Да не будемъ всѣ языкомъ, аще и всего ближе сіе, ни всѣ Апостолами, ни всѣ пророками, ни всѣ истолкователями».

Задача пастырей возводитъ паству къ совершенству, воспитывать ее, научать ее въ рѣ и добродѣтели. Поэтому, въ таинствѣ Священства подается имъ, въ частности, и даръ преимущественнаго передъ мірянами разумѣнія вопросовъ вѣры. «Сущность іерархіи», по 2-му правилу Седьмого Вселенскаго Собора, «составляютъ Богопреданныя словеса, т. е. /с. 121/ истинное вѣдѣніе Божественныхъ тайнъ, якоже изрекъ Великій Діонисій». Само собою разумѣется, что этотъ даръ не дѣлаетъ Епископовъ прорицателями: они разумѣютъ истину въ зависимости отъ своихъ природныхъ способностей и нравственнаго совершенства, но благодать имъ въ этомъ поспѣшествуетъ.

Хорошо, скажутъ намъ, мы не споримъ относительно учительства, пусть оно дѣйствительно преимущественно принадлежитъ іерархіи, но вѣдь пастыри не непогрѣшимы. Что же дѣлать мірянамъ, когда они видятъ ихъ ошибки? — Каноны даютъ ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Если Епископъ явно впадаетъ въ ересь, то каждый долженъ обличить его и отдать на судъ Собора или даже отдѣлиться отъ него [31], а во всѣхъ другихъ случаяхъ, хотя и можно на него жаловаться, но никакъ не нарушая церковнаго порядка [32]. Епископы подлежатъ суду только своихъ собратьевъ по сану, только Первоіерархъ и Соборъ Епископовъ можетъ контролировать дѣйствія Архипастыря, но никакъ не паства. Ему въ его епархіи вручается полная власть не только въ духовныхъ, но и въ матеріальныхъ дѣлахъ Церкви, ибо «аще драгоцѣнныя души ему ввѣрены, то кольми паче о деньгахъ заповѣдать должно, чтобы онъ всѣмъ

распоряжалъ по своей власти» (41 пр. Апост.) [33]. Правила предписываютъ только нѣкоторыя мѣры, направленные къ тому, чтобы обезопасить Епископовъ отъ нареканій.

Итакъ, власть архіерея въ епархіи по канонамъ должна быть вполнѣ единоличная съ отвѣтственностью только передъ Богомъ и соборомъ собратьевъ по благодати. Никакого мѣста для демократическихъ, коллективныхъ управительныхъ учрежденій не остается.

/с. 122/ Но, съ другой стороны, на обязанности Епископа лежитъ воспитаніе въ паствѣ ревности о дѣлѣ Христовомъ, дѣятельности на пользу Церкви, наконецъ, чувства единства. Ни чей духъ не должно угашать, давая каждому внести то, что онъ можетъ, въ создающееся до скончанія вѣка Тѣло Христово. И когда въ паствѣ проявляется желаніе къ такой единомушной дѣятельности, то это вполнѣ законно и хорошо. Но дѣло Епископа надзирать за тѣмъ, чтобы эта дѣятельность не выходила изъ весьма, впрочемъ, широкихъ рамокъ іерархическаго строя. Ибо какая бы ни проявлялась инициатива мірянъ, какія бы ни собирались собранія, — покуда остается непоколебимымъ начало епископской власти, они не нарушаютъ іерархичности. Управление Церковью дѣло живое, въ немъ нельзя всегда поступать по трафарету. Такъ, у Св. Кипріана Карпагенскаго можно найти не менѣе опредѣленные мысли о власти Епископовъ, чѣмъ у Св. Игнатія Богоносца. «Пусть и не воображаютъ, писалъ онъ, на примѣръ, что можно наслѣдовать жизнь и спасеніе, не повинуюсь Епископамъ и священникамъ, потому что во Второзаконіи Господь Богъ говоритъ: и человекъ къ еже сотворитъ въ гордости, еже не послушати жреца предстоящаго служити во имя Бога твоего, или судіи иже въ тѣя дни будетъ, да умретъ человекъ къ той, и вси люди услышавше убоятся и не будутъ нечестивати ктому (XVII, 12-13). Богъ повелѣлъ умерщвлять тѣхъ, которые не повиновались своимъ священникамъ и не слушались судей, отъ Него на то поставленныхъ. И когда было еще время тѣлеснаго обрѣзанія, то гордые и непокорные умерщвляемы были мечемъ тѣлеснымъ; а теперь, когда для вѣрныхъ слугъ Божіихъ наступило обрѣзаніе духовное, гордые и непокорные умерщвляются мечемъ духовнымъ, бывъ отлучаемы отъ Церкви» [34]. И однако, когда рѣшался глубоко взволновавшій всю паству вопросъ о падшихъ, святой авторъ приведенныхъ словъ нашелъ нужнымъ разсудить о немъ въ общемъ совѣтѣ съ Епископами, пресвитерами, исповѣдниками и твердыми въ вѣрѣ мірянами. Разсудить, но не рѣшить, ибо рѣшеніе онъ выносилъ съ одними Епископами.

/с. 123/ Итакъ, міряне могутъ быть допускаемы къ совѣщательному участию въ Соборахъ (конечно, не для контроля или суда надъ пастырями), они должны принимать близкое участіе въ церковной жизни, соблюдая при этомъ послушаніе Епископамъ, и, однако, они не смѣютъ ничего требовать. Но, что бы ни дѣлалось въ этомъ отношеніи, соборность, въ строгомъ смыслѣ слова, тутъ не при чемъ. Она имѣетъ опредѣленное и

ясное содержаніе, раскрытое нами въ первой главѣ и, частью, въ настоящей (словами Хомякова), а въ церковно-общественной жизни епархіи должны получать примѣненіе и осуществленіе преимущественно другія высокія начала: дѣятельная любовь, единство и іерархичность. Соборность же проявляется въ другомъ: въ исповѣданіи вѣры Каѳолической Церкви и въ совершеніи богослуженій по чину, принятому во всемъ православномъ мірѣ.

(1930).

Примѣчанія:

[1] Впервые напечатано въ 1930 г. в Варшавскомъ журналѣ «Воскресное Чтеніе» №№ 13 и 18 и отдѣльными оттисками.

[2] Письмо къ редактору «L'Union Chrétienne» о значеніи словъ «Каѳолическій» и «Соборный» по поводу рѣчи іезуита отца Гагарина.

[3] A. Deubner. La traduction du mot "katholikin" dans le texte slave du Symbole de Nicee-Constantinople. De Oriente Documenta et Libri Orientalia Christiana, Vol. XVI-I, Num. 55, Sept. Octobri, 1929.

[4] См. Окружное Посланіе Арх. Сѣнода 18-31 марта 1927 г.

[5] В. Троицкій. Очерки изъ исторіи догмата о Церкви. Серг. Посадъ, 1912, стр. 11. Тамъ же перечислена обширная литература, подтверждающая правильность такого пониманія слова экклесія.

[6] Тотъ фактъ, что на славянскомъ языкѣ, вопреки латинскому, экклесія сразу получило свой переводъ свидѣтельствуетъ о томъ, что для нашихъ предковъ слово Церковь (Църкы) выражало тотъ же смыслъ, что и экклесія.

[7] См., напр., въ «Опытѣ Христіанскаго Православнаго Катехизиса» Митрополита Антонія (Сремски Карловци, 1924), начиная съ вопроса: «Единство Церкви какую обязанность налагаетъ на насъ».

Въ связи съ тѣмъ, что нами сказано о значеніи слова «Церковь», намъ, однако, казалось бы, что все, касающееся внутренняго единства Церкви, лучше было бы относить къ вопросамъ и отвѣтамъ, касающимся наименованія Ея, а о взаимныхъ отношеніяхъ Помѣстныхъ Церквей говорить при объясненіи слова «Соборная».

[8] М. Антоній, Катехизисъ, стр. 62.

[9] Жизнеописаніе Бл. Митроп. Антонія, Т. VIII, Нью Йоркъ, 1961 г.; «Нравственныя идеи важн. христіанск. догм.», стр. 71, Монреаль, 1963 г.

[10] Таково мнѣніе А. С. Хомякова (Письмо о значеніи словъ Каѳолическая и Соборная).

[11] Письмо о значеніи словъ «Каѳолическій» и «Соборный».

[12] Митроп. Антоній, Катехизисъ, стр. 62.

[13] «Глаголющихъ же о Сынѣ Божіемъ, яко бысть время, егда не бѣ, или яко прежде, неже родитися не бѣ, или яко отъ несущихъ бысть, или изъ иныя ꙗко постаси или сущности глаголющихъ быти, или превратима или измѣняема Сына Божія, сихъ анаѳематствуетъ Каѳолическая и Апостольская Церковь».

[14] Замѣтимъ, кстати, что изъ всѣхъ богословскихъ сочиненій Хомякова этотъ трактатъ отличается наиболѣе тщательной отдѣлкой. Видно, что тутъ продумано каждое слово. Поэтому тѣмъ ста его сочиненій, которыя могутъ показаться

недостаточно ясными или полемическій оборотъ фразъ которыхъ можетъ быть перетолкованъ, слѣдуетъ свѣрять съ этимъ трактатомъ.

[15] § 4.

[16] «Церковь одна», § 5, курсивъ нашъ. Ю. Г.

[17] Тамъ же, § 1.

[18] Тамъ же.

[19] П. Собр. Соч. Т. II, Москва, 1886, стр. 139.

[20] Тамъ же, стр. 36.

[21] «Даръ познанія истины рѣзко отдѣляется отъ іерархическихъ обязанностей (т. е. отъ власти совершать таинства и соблюдать церковный порядокъ)». Тамъ же, стр. 385.

[22] Если можно говорить о «суверенитетѣ» въ Церкви, то таковой принадлежитъ, конечно, только Ея Божественному Главѣ. Церковь представляетъ собою чистѣйшій видъ теократіи, коей прообразомъ была теократія Израильскаго народа.

[23] Ср. слова Хомякова, что еретическіе соборы были отвергнуты «потому единственно, что ихъ рѣшенія не были признаны за голосъ Церкви всѣмъ церковнымъ народомъ, тѣмъ народомъ и въ той средѣ, гдѣ въ вопросахъ вѣры нѣтъ различія между ученымъ и невѣждою, церковникомъ и міряниномъ, мужчиною и женщиною, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ, гдѣ, когда это нужно, по усмотрѣнію Божію, отрокъ получаетъ даръ вѣдѣнія, младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго

Епископа опровергается пастухомъ, дабы всѣ были едино въ свободномъ единствѣ живой вѣры, которое есть проявленіе Духа Божія» (Тамъ же, стр. 71-72).

[24] «Всякій человѣкъ, какъ бы высоко онъ ни былъ поставленъ на ступеняхъ іерархіи, или наоборотъ, какъ бы ни былъ онъ укрытъ отъ взоровъ въ тѣни самой скромной обстановки, попеременно то поучаетъ, то принимаетъ поученія: ибо Богъ надѣляетъ, кого захочетъ, дарами Своей премудрости, не взирая на званія и лица. Поучаетъ не одно слово, но цѣлая жизнь. Не признавать иного поученія, кромѣ поученія словомъ, какъ орудіемъ логики, — въ этомъ-то и заключается раціонализмъ, и въ этомъ его проявленіи онъ высказался въ Папизмѣ еще ярче, чѣмъ въ Реформѣ» (Тамъ же, стр. 60).

[25] Тамъ же, стр. 183.

[26] Это нисколько не мѣняетъ того положенія, что и пастыри отвѣтственны за души пасомыхъ и воздаютъ отвѣтъ Богу, когда они падаютъ по ихъ нерадѣнію или ошибкѣ.

[27] Тутъ кстати будетъ разграничить понятія внутренняго единства Церкви и Ея соборности. Многіе ратующіе за соборность на самомъ дѣлѣ разумѣютъ единство. Такъ покойный А. В. Висильевъ, извѣстный славянскій дѣятель и членъ Всероссійскаго Собора, начиналъ свои разсужденія о соборности съ положенія, что Троица соборна, на что я возражалъ ему, что Троица не соборна, а едина (Ин. XVII, 11; 1 Ин. V, 7). Это понятія какъ будто близкія, но далеко не одинаковыя. Соборность, какъ мы видѣли, есть то свойство Церкви, что Она не имѣетъ никакихъ границъ, ни племенныхъ, ни географическихъ, ни во времени. Она обрисовываетъ, если можно такъ выразиться, безграничный объемъ Церкви, которой необходимое свойство есть также обнимающее все это внутреннее единство. Поэтому, въ жизни земной Церкви, все, что имѣетъ цѣлью сохранить единство, единомысліе, относится къ проявленіямъ единства (напр., Помѣстные Соборы, ср. 34 пр. Св. Апост.), а все, въ чемъ проявляется сознаніе части Церкви того, что она не болѣе какъ часть Вселенской, — есть исповѣданіе живой вѣры въ соборность. Принятіе къ себѣ Сербскою Церковью Русскаго Архіерейскаго Синода есть проявленіе любви и единства, а отказъ ея рѣшать нѣкоторые общецерковные вопросы до Собора, въ которомъ принимала бы участіе Русская Церковь, есть исповѣданіе соборности.

[28] Глаголетъ Господь и черезъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, но только они

говорили Господне не подневольно, а свободно, какъ будто свое, ибо были уже въ тѣснѣ ишемъ единеніи со Христомъ.

[29] Правило Пастырское, Изд. 2-ое, Кіевъ 1873, стр. 46.

[30] Къ тому и направлены правила относящіяся къ даннымъ, которыми должно отличаться лицо предназначенное къ священству. См. 1 Тим. III, 2-7; Тит. I, 5-9; Правило: Ап. 80; I Всел. 2; Лаод. 12; Сард. 10. Ср. то, что говоритъ о необходимыхъ свойствахъ предназначеннаго къ священству Св. Іоаннъ Златоустъ въ словахъ о Священствѣ и Пр. Симеонъ Новый Богословъ (Твор., Москва, 1890, слово 88, стр. 461).

[31] Ср. правила: Ап. 31, 55; Четв. Всел. 18; Трул. 34; Сард. 14; Ант. 5; Карп. 10, 11; Двукр. 14, 15.

[32] Въ Номоканонѣ при Великомъ Требникѣ находится такое правило: «Яко не достоитъ просту укорити священника, или бити, или поношати, или клеветати, или обличати въ лице аще убо и истинна суть. Аще же постигнетъ сіе сотворити, да проклянется мірскій, да отместся изъ Церкви, разлученъ бо есть отъ Святыя Троицы, и посланъ будетъ во Іудино мѣсто» (Прав. 121).

[33] Ср. Ап. 38, 39; Четв. Всел. 20; Сед. Всел. 12; Ант. 24, 25; еоф. Алекс. 10, 11; Кир. Алекс. 2; въ древнихъ Апостольскихъ постановленіяхъ находимъ слѣдующее: «Ты такъ и поступишь, какъ Господь постановилъ, и дашь священнику должное ему, начатокъ гумна и точило и приношеніе о грѣхахъ, какъ посреднику между Богомъ и нуждающимся въ отпущеніи, ибо тебѣ прилично давать, а ему раздавать, потому что онъ домостроитель и правитель церковныхъ дѣлъ. Только не требуй отъ Епископа отчета и не наблюдай за домостроительствомъ его, какъ или когда, или кому, или гдѣ, хорошо или худо, или также какъ должно совершаетъ онъ его. У него есть свои требователь отчета — Господь Богъ, вручившій ему такое домостроительство и сподобившій его такого мѣста въ священствѣ» (Кн. 2, гл. 35).

[34] Творенія. Изд. Кіевской Дух. Ак. Кіевъ, 1891, Т. 1, стр. 107. Ср. слова Св. Игнатія Богоносца: «Всѣ послѣдуйте Епископу, какъ Іисусу Христу. Безъ Епископа не дѣлайте ничего, относящагося къ Церкви. Гдѣ будетъ Епископъ, тамъ долженъ быть и народъ».

Что одобрить Епископъ, то и Богу пріятно. Почитающій Епископа, почтенъ Богомъ, дѣлающій что-либо безъ вѣдома Епископа служитъ діаволу» (Посл. къ Смирнянамъ).

Источникъ: Протопресвитеръ Георгій Граббе. Церковь и ея ученіе въ жизни. (Собрание сочиненій). Томъ первый. — Монреаль: Издательство Братства Преп. Іова Почаевскаго, 1964. — С. 102-123.